

Жив еще человеческий дух,
Доброта еще бродит по миру...

кажется, так начинались прекрасные стихи о котятках Владимира Кострова, написанные в самый расцвет ныне ругаемой поры застоя. Эти строки припомнились мне, как только раздался хорошо знакомый голос поэтессы, чьими песнями и стихами мы зачитывались и заслушивались в нашей юности, чье имя — уже Поэзия. Я говорю о Новелле Матвеевой, отпраздновавшей на днях свой юбилей. Живой классик, она продолжает работать, как положено каждому классику: незаметно.

Новые времена... Будь моя воля, я бы передавал каждое утро по радио «Девушку из харчевни» — на всю Россию. Песню о бесконечном эхе Любви, необходимое в своей ненужности напоминание о том, что Счастье — всего лишь краткая тирешка между ожиданием его и воспоминанием о нем. На этом топливе и работаем, как двигатели внутреннего сгорания. Всю жизнь...

— Новелла Николаевна, какая книга сейчас лежит раскрытой у вас на столе?

— Сейчас у меня раскрыта рукопись Ивана Киуру «Дастан об ашугах, или Девушка из харчевни». Вы наверняка вспомните: дастан — это проза, грубо говоря, пронизанная стихами. А Иван Семенович Киуру написал что-то вроде моей биографии, особенно того ее большого отрезка, который был ему известен. Это главным образом песенная биография, в ней много рассказывается о 60-х годах: о нас, нашей судьбе, наших всяких приключениях, гонениях на нас... Все это пронизано предьсторией и историей создания песен, строками из песен; в центре всего повествования — «Девушка из харчевни»...

— Кажется, Белла Ахмадулина называла «Девушку из харчевни» самой лучшей вашей песней. На мой взгляд — да не обидятся на меня поклонники горячо любимого мною Булата Окуджавы! — это самая замечательная песня, которую создало движение КСП (хотя, конечно, Новелла Матвеева принадлежит со всеми своими стихами, песнями и переводами русской литературе!).

Кстати, как возникла эта песня?

— Многие интересовались и продолжают интересоваться историей ее создания. Но мне не хотелось бы выдавать тайну книги Ивана Семеновича. Но скажу вам и читателям «КО»: эта песня не имеет прямого биографического отношения к нашей с Иваном Семеновичем судьбе. Она написана по вдохновению. Сюжет ударил вдруг в голову — после чтения «Марии Стюарт» Стефана Цвейга. Когда я читаю о замках, мне всегда представляется хижина, читаю о фасаде — представляются задние стены. И так я постепенно добрела до... но тут я начинаю выдавать тайну книги, а мне хотелось бы, чтобы читатели прочитали ее как бы впервые.

— Уже нашелся издатель вашей книги?

— Издателя покамест нету.

— Может быть, аукнем со страниц «КО» издателям России: есть интересная книга! Звоните в отдел художественной литературы и искусства «КО»...

— Давайте аукнем! Буду вам очень благодарна...

— А что из книг интересного вы прочитали в последнее время: мы с вами не

встречались на страницах «КО» уже несколько лет...

— Трудно сказать... Я перекидывалась от одной книги к другой. У меня немножко ослабло зрение. К тому же приходится писать. Последнее, что я читала — последовательно, от начала до конца, — это книга В.Афанасьева из серии «ЖЗЛ» о В.А.Жуковском.

— Что вас так потянуло к Василию Андреевичу?

шелкают орехи...

— Давайте попробуем: я пришлю к вам курьера за сонетами — напечатать в «КО» и посмотрим, усыпят они наших и ваших читателей или нет?

— Помните жирного парня из диккенсовского «Пиквика» — его посылали куда-то курьером, а он засыпал еще под дверью... Я к тому говорю, что сонеты мои усыпительные: вдруг ваш курьер еще за дверью заснет...

Звонок Новелле Матвеевой

«В ПОЛИТИКЕ Я — ЗА МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА...»

Кн. обозрение. — 1994. — 25 окт. — с. 19.

— Замечательный человек! У меня такое впечатление (поскольку я сейчас в беде), что Василий Андреевич Жуковский — человек, который распространяет успокоение даже через дистанцию огромного времени.

— Он всегда приходил на помощь к друзьям — младшим, старшим — да успевал при этом цесаревичей и цесаревен воспитывать.

— У Жуковского было особенное понимание внутреннего неблагополучия всех людей. И это домчалось к нам вместе с его стихами и до сих пор успокаивает.

— Пишутся ли стихи?

— Теперь опять вроде пишутся, но, в основном, сонеты. Как самые усыпляющие стихи — в первую очередь меня, а потом уж начнут усыплять и читателей. Усыпительная такая работа. В этом жанре много одинаковых рифм — засыпаю и успокаиваюсь. Так семечки лузгают или

— Какую бы книгу сейчас было полезно прочитать всей России?

— По-моему, «Преступление и наказание» Достоевского.

— Не страшная ли книга?

— Нет... Если бы меня спросили: какая книга — самая непонятная на свете, я бы назвала «Преступление и наказание». Никто до сих пор ее так и не понял — судя по происходящему. Правда?

— Может быть, в этом ценность любой настоящей книги: она не должна быть понятной!

— Что вы! Это, наверное, поэзия — по какому-то высшему счету — не должна быть понятной, точнее — не может быть до конца понятной: у настоящей поэзии есть какая-то тайна.

— А разве понят «Герой нашего времени» или «Мастер и Маргарита»? А «Капитанская дочка»?

— Я не говорю, что все книги понятны, а «Преступление и наказание» не понят-

но. Я считаю, что книга Достоевского — самая непонятная! Какой самый стойкий заскок людей? Наполеонство! Можно подумать, что никто не читал «Преступление и наказание», а там так ясно все описано! Самый устойчивый и самый непонятный заскок человечества. Иногда даже отчаяние берет (хотя это не мое дело, я никому не указчик — я и сама такая, наверное, в глубине души. Хотя нет, сама я сейчас в Наполеоны не гляжу: у меня другие пороки). Меня очень занимает мысль: можно подумать, что Достоевский не писал своего романа или — что его никто никогда не читал! Повторяю: это самая непонятная книга на свете. Наряду с Евангелием, правда. Евангелие еще непонятнее в этом смысле.

— Ну, положим, сейчас стало модным — быть верующим, и все принялись неистово креститься, особенно если наведены телекамеры.

— Вы правы. Одно дело — быть верующим, другое — понимать, во что ты веришь и почему. Правда?

— А во что вы верите?

— Во что-то такое, чего не понимаю... Я верю в Бога.

— Вернемся с небес на землю: сейчас пошел на убыль Год Собаки. Как вы относитесь к братьям нашим меньшим?

— Я их очень люблю.

— Я что-то не припоминаю у вас песен о собаках.

— Как же, у меня есть стихотворение: «Поэт, пинающий собаку...» и т.д.

— Как вы думаете, какое собачье качество сейчас пригодилось бы человеку?

— Верность.

— Думаете, мы сейчас больны неверностью?

— Верность не в политическом смысле (хотя человеку сейчас она важна и в политическом смысле тоже!).

— Раз уж мы упомянули политику: помните, Остап Бендер задавал соратнику по «Союзу меча и орала» принципиальный, чисто бендеровский вопрос: ваше политическое кредо? Тот отвечал: «Всегда!»... Если я вас спрошу: за кого вы в политике?

— Это самый трудный вопрос. Я — не за кого. Я — за маленького человека, которого вся политика и все политики обычно обходят.

— Обычно в день рождения именинникам принято делать пожелания... Давайте перешагнем через стереотип: что бы Новелла Матвеева пожелала своему читателю?

— Наверное, скажу банальность: счастья, долгих лет жизни, удачи.

В дни юбилея мы все-таки отправили к Новелле Матвеевой курьера, который вручил ей большие-большие яблоки — символ Любви, Поэзии, России, символ Жизни и ее прекрасной осенней поры — поры высокой мудрости и творческого озарения. В ответ поэтесса передала нам для публикации свои новые стихи. Как бы сказали сейчас «новые русские», обе стороны пришли к консенсусу и совершили бартер. Насчет бартера — не знаем, а вот то, что обе стороны любят друг друга, — непреложный факт. И — Тайна! В конце концов, какая Женщина и какая Книга — без Тайны?!

С днем рождения Вас, дорогая Новелла Николаевна! Здоровья вам, счастья и новых стихотворений и песен!..

Беседовал Александр ЩУПЛОВ.

МОНГОЛЬФЬЕР

От площади, — от вас,
плащи, цилиндры, платья,
Воздушный шар пока еще
не отрешен,

Но отделяется, — и все
рукопожатья,
Как цепи из вьюнков, —
сейчас расцепит он,

Обрубит лозы уз и
разорвет объятья —
А все еще на двух стихах
размещен;
Как плоть, поработен, как
дух раскрепощен, —

Увесистый, как вещь, и
легкий, как понятие, —

Над миром воспарив на
несколько вершков, —
И все еще он здесь, в кругу
друзей надежном,

И — уж охвачен весь
порывом невозможным;
Еще и луковиц на окнах,
и горшков

С опунциями — он —
почти касаясь боком, —
Уже истайивает в
странствии далеком.

Янв. 1994 г.

ГРАНАТ

Ты мыслил над бумагой
писчей,

Склоняя солнечные пряди.
И (не считающийся пищей)
Гранат глядел в твои
тетради.

И кто-то, в гнев
непрестанном
(Не замечая злоупорно,
Что под растительным
сафьяном,
Гремя, окаменели зерна),

Ворчал: «Как
негостеприимно
Не угощать гостей
гранатом!»
А ты гранат берег — для
гимна;
А ты решил: сей дар —
Пенатам.

С чуть пыльным
отблеском опала —
Не скармливать кому
попало.

11 марта 1994 г.

Новелла МАТВЕЕВА. Новые стихи

343